

КОНДРАТЕНКО АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

МИХАИЛ ПРИШВИН И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Статья посвящена дальневосточным страницам в биографии писателя Михаила Пришвина. В 1931 году он совершил длительную поездку на Дальний Восток, результатом которой стали повесть «Женьшень», путевые очерки, подробные дневниковые записи и фотографии. В основе статьи — дневники Пришвина, воспоминания, рецензии на его прозу, материалы из архивных фондов Орловского объединённого литературного музея И. С. Тургенева (фонд писателя-земляка насчитывает более полутора тысяч единиц хранения). Автор показывает, каким увидел Пришвин Дальний Восток тех лет, какое отражение нашли реалии в его творчестве, как в итоге сказалась поездка на судьбе писателя. Приведены также обзорные сведения об издании его книг на дальневосточную тему, о том, как сохраняют и изучают в регионе память о Пришвине.

Ключевые слова: Михаил Пришвин, писатель, повесть «Женьшень», Владивосток, Хабаровск, Приморье.

Keywords: Mikhail Prishvin, writer, novel “Ginseng” (“Zhen-shen”), Vladivostok, Khabarovsk, Primorye.

На протяжении всей жизни писатель Михаил Михайлович Пришвин совершил множество поездок по родной стране. Одна из самых значимых в его творческой судьбе — дальневосточная поездка 1931 года.

Ей предшествовал непростой период в биографии прозаика-природолюбца. Ретивые ревнители официальных идей критиковали Пришвина за «бегство от классово-борьбы» и членство в «контрреволюционной» писательской организации «Перевал». В печати нередко появлялись статьи, обвинявшие в том, что он пишет не о социалистическом строительстве, а о «птичках, цветочках, зайчиках». В будущем «рапорте» XVII съезду ВКП(б) Пришвин публично заявил: «В период начала развёрнутого социалистического строительства, господство в литературе организации РАПП своим бездушным, презрительным, надменным отношением к моему и всякому “по-своему” творчеству отбило у меня охоту писать. В это время я занимался изучением звероводства и, решив вовсе оставить литературу как профессию, начал переговоры с Картофельным институтом о работе моей в нём как агронома» [7]. А вот запись в дневнике 8 ноября 1930 года: «Моя печаль в этом году перешла в отчаяние, потому что я ведь художник, я отдал этому всю свою жизнь, и вот это последнее, артист-писатель, сбрасывается... как балласт... Мне стало чаще и чаще являться желание выйти из дома в чём есть и пойти по дороге, а потом свернуть с дороги в ближайший овраг и лечь там... совсем даже и не считаю это самоубийством... Меня удерживает от этого перехода привязанность к нескольким лицам, которым без меня будет труднее» [2, с. 275–276].

Накануне поездки на Дальний Восток писатель отправился на Урал, в Свердловск, на строительство завода «Уралмаш» с целью написать очерк об этом для журнала «Наши достижения». Картины уральской (богатой недрами) природы перемежались с картинами быстрого роста индустрии. Вот заметки о появлении новейшего рабочего посёлка: «И ни одного деревца второпях не оставили на утеху будущего нового человека. До того неудержимо вперёд стремится новый человек, что в этом чрезвычайном усердии беспощаден к прошлому, к лесу» [6, с. 325].

Пришвину хотелось быть ближе к первозданной природе, и не случайно его взор всё чаще обращался к Дальнему Востоку. Он высоко ценил произведения писателя, путешественника и учёного В. К. Арсеньева. Прочитав его книгу «В дебрях Уссурийского края», отправляет её М. Горькому в Сорренто с самой лестной похвалой. К тому же в письмах к Арсеньеву он делился планами «приехать в Ваши края». Когда Арсеньев в октябре 1928 года был в Москве, то вместе с директором Сергиево-Посадского музея А. Н. Свириным отправился в Загорск, чтобы познакомиться с Пришвиным.

Сразу после встречи Михаил Михайлович записал в дневнике: «Арсеньев... чрезвычайно подвижный, энергичный человек (57 л[ет]). Быстро и много говорит. Я не мог оторвать его рассказ от Усс[урийского] края. Говорили о тиграх, о пятнистых оленях, о лотосах, о винограде, обвивающем ели и сосны, — что все эти лотосы и тигры — реликты не ледниковой эпохи, как у нас..., а третичной эпохи.

Много раз я пытался намекнуть на чувство пустоты этой жизни без культуры, но Арсеньев понимал мой намёк как на тёмные стороны края, например, что мошकारа разъедает эпидермис... Арсеньев, между прочим, рассказал мне, как он написал свою книгу. Она вышла из дневников, которые вёл он в экспедициях. Это книга, можно сказать, первобытного литератора, своего рода тоже реликт. Её движение есть движение самой природы, и она снова наводит меня на мысль, что поэзия рождается в ритмическом движении природы, вращении солнц и земель и является на свет тем же самым чутьём, которым животные и люди в тайге определяют без компаса, в какой стороне находится дом» [5, с. 277–278].

Пришвин не раз говорил и писал Арсеньеву, что хочет пройтись с фотоаппаратом по таёжным тропам Приморья. Увы, снова увидеться им уже не пришлось — Арсеньев умер в начале сентября 1930 года.

Очевидно, что маршрут состоявшейся в следующем году дальневосточной поездки был навеян книгами Арсеньева и общением с ним лично. К тому же так совпало, что осенью 1930 года из Приморья приехал племянник писателя — Андрей Пришвин (1907–1978). Он работал на рыбных промыслах на острове Рейнеке и опубликовал в журнале «Красная нива» рассказ «Иваси». М. М. Пришвин много расспрашивал его о Дальнем Востоке.

Оформив командировку от газеты «Известия» (задание — экзотика и звероводческое хозяйство), Пришвин выехал из Москвы поездом 8 июля 1931 года вместе с сыном Львом (1906–1957), фоторепортёром и прозаиком, писавшим под псевдонимом Алпатов.

Пришвины приехали во Владивосток 18 июля. Город застал их ещё в состоянии «пацифистского Вавилона». По соглашению с Японией десятилетней давности крепостные форты остались без орудий, город был переполнен китайцами, корейцами и японцами. Совсем скоро их не станет — паспортный режим ужесточится в связи с возрождением Тихоокеанского военного флота (первоначально, в 1932 г., были созданы Морские силы Дальнего Востока).

Владивосток предстаёт в дневниках Пришвина довольно уютным городом. Писатель с удивлением узнаёт, что одна из улиц вымощена плитами... с разорённого Покровского кладбища: «Сегодня шёл по улице Ленина (около Версаля), и вдруг мне как будто буквы какие-то явились на камнях мостовой, я остановился и действительно увидел буквы, а

рядом были целые слова, вырезанные на камне: “Упокой, Господи!”, и через несколько камней: “прах Зинаиды Ивановны”» [6, с. 540]. И ещё на схожую тему: «Доски из тротуара повыбраны, легко ночью сломать ногу. Выбирают доски на топливо, потому что угольный кризис, а кризис, потому что рабочие-китайцы забастовали из-за того, что уничтожили учреждение их старшин (подрядчиков). Владивосток — это ворох камней, по которым лежат дощечки, часто дощечки вытаскивают для растопки, и в дыру можно провалиться, приходится идти не деревянным тротуаром, а шевелить ботинками камни» [6, с. 406].

Пришвин считал Владивосток той поры городом временщиков: «Владивосток населялся всегда людьми временными, приезжавшими, чтобы скопить себе некоторую сумму на двойном окладе и уехать на родину. Помимо своего расчёта, некоторые застревали тут навсегда, другие ехали на родину и тоже, помимо расчёта, возвращались сюда. И оттого в городе нет устройства в домах и возле домов крайне редки сады. Впрочем, не только люди были временные, но и сам город, как маленький человек, жил неуверенный в завтрашнем дне: сначала дрожали, что порт перенесут куда-то в Посьет, а когда устроился богатый порт и маленький человек уверился в постоянстве территории под его ногами, порт перенесли в Дальний и Артур... Теперь сроки службы чрезвычайно сократились, появились летуны, и впечатление такое, как будто все куда-то стремятся уехать, перебраться, удрать» [6, с. 476–477].

А эта запись о Дальнем Востоке как части великой России сделана в китайском театре: «Вот тут-то и пришла мне в голову простейшая мысль, которая мгновенно осмыслила всё то долгое время, пока я в раскалённом от жары вагоне ехал, проезжая десять тысяч километров. Двигаясь вперёд, как двигалась история казацких завоеваний, мы достигли, наконец, предельной точки земли у Тихого океана. Казалось бы, конец продвижения, а нет... дело казацкого расширения перешло к большевистскому, и в этом весь смысл нашей истории. Так сложился путь казацкого продвижения и большевистского в один путь...» [6, с. 404].

Пришвин делал панорамные снимки города с Орлиной и Тигровой сопки, многое подмечал в своём дневнике (байки, значения слов, названия растений и животных), но были, конечно, и неточности, ошибки. К примеру, упоминал, что господствующая сопка во Владивостоке, Тигровая, названа так потому, что ещё в 1905 году тигры снимали с батарей часовых. Очевидно, что и сопка не была господствующей, и тигры сюда в то время уже не захаживали.

За время поездки (она продлилась до 29 октября) писатель встречался с лесоводами и охотниками, с руководителем рыбных промыслов Трофимом Борисовым, побывал в китайском театре, ботаническом саду и лисятнике, навестил

могилу В. К. Арсеньева на Эгершельдском кладбище (в 1954 г. прах перенесут на Морское кладбище).

Писатель Владимир Лидин вспоминал: «В 1931 году, приехав на Дальний Восток, я узнал, что во Владивостоке находится Пришвин. Я разыскал его. В большой сумрачной комнате, предоставленной кем-то в распоряжение Пришвина, лежали на столе патроны, дробовница, рукописи, фотоплёнка, кассеты... Пришвин увлекался фотографией. Он снимал в заповедниках телеобъективом енотов и пятнистых оленей и по-детски радовался удачным снимкам. В этом большом бородатом человеке, в котором меньше всего было простоты, хранилось, однако, много милой и непосредственной детскости. <...> ...он никогда не уставал учиться новому и каждый раз восхищался по-новому какому-то очередному для себя открытию. Он был неутомимым ходяком по жизни, и на Дальнем Востоке, куда бы я ни приезжал, всюду опережал меня Пришвин. Я приехал на рыбные промыслы острова Попова — Пришвин был уже здесь. Я приехал в заповедник пятнистых оленей на полуострове Сидими — Пришвин был уже там. В глубоководной бухте Разбойник, сидя за обеденным столом у директора шримсового (креветочного. — А. К.) заводика, я увидел в окно, как по заливу движется лодочка. Полчаса спустя из лодки, довольный, что преодолел на ней глубокий залив, вышел Пришвин, и я не удивился, увидев его, а только сказал: “На этот раз я опередил вас, Михаил Михайлович”, — но оказалось, что Пришвин успел уже побывать не на одном таком заводике... Здесь, на Дальнем Востоке, Пришвин нашёл краски и музыку для одной своей сложнейшей, необыкновенной по чувству природы вещи — “Женьшень”. <...> ...в честь Пришвина местные охотники устроили охоту на фазанов. Один из старых дальневосточников, участвовавший в этой охоте, рассказал мне впоследствии, что был поражён неутомимостью и наблюдательностью Пришвина; что же касается количества убитой им дичи, то, по заключению охотника, это меньше всего занимало Пришвина и играло просто подсобную роль в деле его общения с природой. Я вспомнил, как в заповеднике пятнистого оленя на полуострове Гамова я увидел Пришвина залёгшим между кустарников на сопке. Он наблюдал за пятнистыми оленями и после многочасового отсутствия вернулся оживлённый и почти счастливый: столько из жизни оленей удалось подсмотреть...» [4, с. 47–49].

Итак, если о городе Пришвин нередко писал иронично и едко, то его записи о природе были полны восторга и самого живого внимания, даже благоговения. В целом он совершил около 20 локальных поездок: Майхе (река Артёмовка), Посьет, мыс Гамова, Сидими (Безверхово), Песчаный... объездил юг Приморья — от острова Путятина до острова Фуругельма. Изучал тайгу, пушные и оленеводческие хозяйства, осматривал рыбные промыслы, шримсовые заводы...

Фотографировал, вникал в экономику. И часто вспоминал безвременно ушедшего из жизни Арсеньева...

Пришвин писал о здешней природе: «Что земля не наша, а какая-то даурская, что ли, — это ещё около Хабаровска ясно показалось в цветах возле самых рельс. Потом, как при переезде из Москвы в Ленинград, прошла одна ночь в стремительном беге курьерского поезда прямо на юг, и в эту одну ночь езды по Уссурийской долине узоры растений и самый воздух переменялись ещё больше» [6, с. 401]. «Всю ночь шёл дождь, и настоящий, а не то, что мы, приезжие, здесь принимаем за дождь... <...> Как трудно здесь быть сельским хозяином! Там, в недрах страны, почти всегда мы можем накануне сказать, какая завтра будет погода... <...> Здесь на дню семь пятниц, приезжий человек после нескольких усилий понять что-нибудь опускает руки и обращается за советом к китайцу» [6, с. 429].

Иные записи в писательском дневнике сродни признанию в любви: «Есть такие сентябрьские утренники в Приморье, когда не мороз, а только первая прохлада с росой и строгостью после звёздной ночи согласует силы природы в творчестве роскошно цветистой, сказочно прекрасной и, вероятно, единственной по красоте в мире осени — приморской осени» [6, с. 445].

Пожалуй, самое сильное впечатление на писателя произвёл юг Приморья с его бухтами, сопками, распадками. В Табунной пади Пришвин записал: «Лучшее в моём путешествии было эти встречи с морем в одиночестве среди пустынных гор и дико распавшихся скал. И тут у края земли, возле белого кружева солёной воды, среди ракушек, морских звёзд и ежей и сюрпризов моря... на твёрдой земле тут лучше всего: тут вся трагедия мира, тут всё, и в этом огромном я тоже живу» [6, с. 442].

Писатель и мыслитель «на ощупь» пытался найти объяснение самой сути этой таинственной «страны»: «Русскому всё непонятно на Д. В., растения невиданные, животные, насекомые, в особенности непонятны и неожиданны переходы в погоду. <...> Вот когда это поймёшь, что именно здесь не Урал, где старые горы кончились, развалились и богатства их все лежат на виду, что здесь молодые горы и вся природа бунтует, начинаешь приходить в себя, разбираться во всём: эти все перемены в природе вследствие особенной силы напряжения, разрушения и созидания... <...> В Приморье нет того ровного времени, которое у нас определяется в одном слове, например, зима или осень, лето, весна» [6, с. 429–430, 432, 538].

Параллельно с ведением дневников Пришвин уже на Дальнем Востоке взялся за создание прозаических произведений. Однако даже по истечении продолжительного времени далеко не все замыслы удалось реализовать. Мешали в первую очередь унижающие «газетные нападки» на него

самого и на его творчество: «...писал с коптилкой — отняли у писателя электричество, а у соседа, слесаря-пьяницы, оно горело. Писал, не надеялся даже на признание, подавляя мысль об уходе из жизни» [8, с. 73]. Спасение пришло откуда, откуда он совсем не ждал: «Внезапный отпуск РАППа вернул меня к искусству слова. Я, обрадованный, в один месяц написал, как думаю сам и как говорят, лучшую вещь из всего мной написанного за всю жизнь — “Корень жизни”» [7].

По итогам поездки были написаны очерки «Золотой Рог» и повесть «Женьшень» (второе название — «Корень жизни», первоначально — «Жень-Шень»), напечатанная в журнале «Красная новь» (1933 г., № 3), однако осталось несколько набросков ненаписанных повестей и рассказов, имелись и нереализованные замыслы сценариев фильмов «Соболь» и «Тигровая сопка».

В 1934 году вышли в свет повести «Золотой Рог» — в Ленинграде, в издательстве писателей, «Жень-Шень — корень жизни» — в Москве (Московское товарищество писателей). Дальневосточные очерки «Соболь», «Олень-цветок» и «Голубые песцы» входили в состав разных сборников и иногда печатались под объединяющим названием «Путешествия по уссурийской тайге».

Прежде чем перейти к обзору главной дальневосточной книги Пришвина, несколько слов о его очерках. В «Соболе» отразились разные путевые впечатления. В «Олене-цветке» были описаны оленеводческие хозяйства, технология заготовки пантов — молодых оленьих рогов, их лечебные свойства. «Голубые песцы» были посвящены острову Фургельма. Незадолго до приезда Пришвина сюда завезли голубых песцов, которые тут же нарушили экологическое равновесие — уничтожили птичьи базары.

Итак, одна из пришвинских вершин — лирико-философская многосмысловая поэма в прозе «Женьшень». Она в полной мере показывает манеру письма Пришвина, отражает его философию. Рабочее название — «Эрос»; при первой журнальной публикации была озаглавлена «Корень жизни». В этой воплощённой утопии русского Серебряного века Пришвин предпринял попытку найти духовную опору, примирить прошлое и настоящее, Запад и Восток при всей их противоречивости и сложности. Лирический герой не равнозначен автору, к тому же у него появляется верный друг — китаец Лувен (вспомним Арсеньева и Дерсу Узала). По всей видимости, прототипом стала случайная фигура из дневника писателя — «богомольный китаец Ювен», человек, живущий в архисложное время на чужбине в гармонии с собой и с миром, сохраняющий мудрость и доброе отношение к людям.

Необходимо также обратить внимание на некий «геополитический окрас» данного героя. Советский Союз негласно оказывал в то время китайскому народу масштабную военную

помощь. Велик был читательский интерес к происходящему в Китае, к китайцам как носителям определённой культуры и идеологии, и Пришвин, создавая образ Лувена, чутко откликался на подобные запросы аудитории.

Мистика, богоискательство, модернистское понимание Эроса — все эти составные части лежат в основе «Женьшеня». Его географическое пространство — современный Хасанский район, побережье Амурского залива от Владивостока до Посыета. Алексей Варламов, автор книги о писателе в серии ЖЗЛ, подчёркивал, что в «Женьшене» Пришвин «нащупал главное своё сокровище: умение писать поэтические сказки со счастливым концом и побеждать радостью страдание. “Жень-шень” странная книга: она может показаться скучноватой, слишком красочной и экзотичной, несмотря на свой малый объём, чересчур подробной, но чем-то держится напряжение читателя, чем-то неуловимым, что и называется искусством, при том, что повесть получилась опять-таки бес-человечной» [2, с. 330].

Любопытно, что сам Пришвин был удивлён отсутствием рецензий в советской периодике на «Женьшень», однако на повесть сразу обратили внимание за рубежом. Так, в заметке Н. Н. Кнорринга «Корень жизни», опубликованной в парижской газете и посвящённой повести, отмечались «неизъяснимая прелесть» и глубина произведения («прочтя её, задумаешься»). Рецензент отмечал, что автор «умело накладывает краски и перелистывает книгу природы», ставит перед читателем важные нравственно-философские проблемы, причём наряду с человеком действующими лицами повести стали «драгоценные реликты» — олени и «корень жизни». Отмечал Кнорринг и верность автора своему особому стилю и жанровой природе: «Как часто бывает у Пришвина, в повести, в сущности, нет сюжета: любовная эпопея проходит каким-то неясным силуэтом и сливается в широкой картине животного мира» [3].

Вскоре на страницах той же газеты появился обзор куда более именитого рецензента — Г. В. Адамовича. Как и предыдущий автор, он признавал, что «есть редкая, даже редчайшая прелесть в этом несложном скуповатом повествовании». И далее: «Действие в повести не “происходит”, действия почти нет. Повесть вся насыщена, вся дышит тишиной, покоем, слиянием с природой». Адамович также обратил внимание читателей зарубежья на некую «экологическую оппозиционность» автора «Женьшеня»: «повесть Пришвина приобретает в столкновении с общесоветскими, заносчивыми, индустриально-строительными настроениями крайнюю “актуальность”» [1].

Так или иначе, в «Женьшене» гармонично выразились «коренное» мироощущение Пришвина, лучшие стороны его писательского дарования: поэтические и в то же время точные описания природы, тончайший психологизм, выра-

зительность языка. Как отмечал Алексей Варламов, после выхода «Женьшеня» ещё вчера гонимый писатель вновь оказался на коне. Он признан властью, окружён читательской любовью и интересом. Ему завидуют коллеги. Да, были попытки иных литературных критиков и функционеров принизить значение этой книги. Не случайно в январе 1941 года Пришвин писал генеральному секретарю Союза писателей СССР, недавнему военному корреспонденту на Халхин-Голе и на советско-финской войне Владимиру Ставскому: «Предупреждаю Вас, что борьба за “Лесную капель”, “Жень-шень” и т. п. для меня есть такая же борьба за родину, как и для Вас, военного, борьба за ту же родину на фронте...» [8, с. 253].

Важно отметить, что эта книга сыграла важную роль не только в профессиональной судьбе писателя, но и в его личной жизни: благодаря дальневосточной повести состоялось знакомство с Валерией Дмитриевной, ставшей его последней женой. Пришвин признавался: «Женщина, для меня самая прекрасная во всём мире, прочтя “Жень-шень”, пришла ко мне узнать, есть ли во мне живом хоть что-нибудь от того, который описан в книге. И вот она узнала меня во мне, и я узнал в ней ту, которую всю жизнь ожидал. И, узнав друг друга, мы соединились, и я объявил состояние войны за ту женщину и за свою любовь... И так в свои годы я начал новую жизнь» [8, с. 117–118].

Пребывание Пришвина на Дальнем Востоке вполне сопоставимо с чеховской поездкой на Сахалин (1890). Отражение в творчестве Пришвина дальневосточных реалий всегда привлекало внимание литературоведов и историков литературы, краеведов и журналистов. Особо надо отметить то, что племянник писателя, Андрей Сергеевич Пришвин, в 1940–1961 годах жил в Хабаровске, работал в газете «Тихоокеанская звезда», в 1948–1955 годах руководил журналом «Дальний Восток». В 1975 году в Хабаровске вышла в свет его книга «Вечные строки. Воспоминания о встречах с М. М. Пришвиным». Спустя три года здесь была издана книга А. Л. Киселёва «Пришвин — художник». В 1999 году во Владивостоке Г. А. Токарева защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Мифологическое и сказочное в художественном мире М. М. Пришвина». Спустя десять лет монография того же автора с аналогичным названием вышла в свет в издательстве Камчатского государственного университета. В 2006 году дальневосточные дневники Пришвина впервые были опубликованы в альманахе «Рубеж».

И ещё один примечательный штрих: контейнеровоз «Михаил Пришвин» работал в составе Дальневосточного морского пароходства в 1970–1990-е годы.

В Орловском объединённом государственном литературном музее И. С. Тургенева с годами сложился большой

архивный фонд М. М. Пришвина (№ 15). В музее писателей-орловцев (филиал музея И. С. Тургенева) экспозиция о жизни и творчестве Пришвина включает его личные вещи: рукописи, фотографии, письма; воссозданный кабинет из московской квартиры; первые издания книг с автографами; фотографии, сделанные Пришвиным. Особый интерес представляют материалы, связанные с личной жизнью писателя: фотографии с женой Валерией Дмитриевной, письма детям, предметы быта, переданные в дар музею наследниками.

Значительная часть этого фонда (он насчитывает более полутора тысяч единиц хранения) так или иначе отражает связь крупнейшего отечественного прозаика с Дальним Востоком. В частности, это около 20 фотографий, сделанных писателем во время поездки 1931 года: «Дальневосточный пейзаж», «Остров Фуругельма», «Олений питомник», «Ланка пятнистого оленя хуа-лу», «Липа, выросшая под действием тайфуна», «Фанза», «Цветущие азалии», «Искатель женьшеня» и другие.

Богата и книжная коллекция музея. Есть, например, первое издание книги «Жень-шень — корень жизни», выпущенное в 1934 году Московским товариществом писателей: на тканевом переплёте синим тиснением изображён корень женьшеня, на корешке такой же техникой нанесены фамилия автора и название. И оформление, и иллюстрации В. А. Фаворского вполне в духе лаконично-исповедального авторского признания: «Это вещь моя коренная». Также в фондах музея хранятся 13 гравюр В. А. Фаворского — иллюстраций к повести «Женьшень», совместная фотография Пришвина и Фаворского, копия портрета писателя работы Фаворского. Сведения об этих и о всех других единицах хранения представлены в Государственном каталоге Музейного фонда РФ, их изображения размещены на соответствующем сайте и доступны для пользователей.

Особый интерес представляет собранная в Орле коллекция зарубежных изданий «Женьшеня». Это книги, вышедшие в переводе на национальные языки в Лондоне (1936), Париже (1946), Вене (1947), на польском языке (б. м., 1949), в Праге и Братиславе (1951), Варшаве (1953), Тель-Авиве (1964), Лейпциге (б. г.). Есть также редкое издание «Остров Фуругельма» (1933), ряд дальневосточных изданий книг Пришвина и книг о нём.

Каталоги Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) дополняют представление о читательском интересе к дальневосточной прозе Пришвина. Так, повесть «Женьшень» на русском языке, помимо первого издания 1934 года, издавалась в составе собраний сочинений (Москва, 1937, 1956, 1983). Отдельными книгами и в составе сборников до 1980-х годов повесть выходила в свет в основном в столичных издательствах (Москва, 1944, 1948, 1971, 1974, 1977), а также в Хабаровске (1955). В 1980-е годы довольно часто издавалась в столицах союзных республик и в крупных региональных центрах: Хабаровске (1980, 1987), Минске (1980), Челябинске (1980), Каунасе (1984), Перми (1984), Львове (1986), Вильнюсе (1987), Киеве (1987, 1991), Туле (1989), Владивостоке (1991). За последние почти полвека в Москве «Женьшень» в составе отдельных сборников вышел лишь трижды (1986, 2003, 2017).

Дневники М. М. Пришвина, его фотографии, воспоминания родных и знакомых, другие архивные материалы помогают воссоздать один из самых значимых периодов в жизни и творчестве писателя, понять глубинные смыслы его прозы и повседневных записей, связанных с Дальним Востоком. Важно изучить рецепцию публикаций Пришвина, выявить их влияние на творчество других писателей. Исследователям предстоит сделать ещё много открытий на этом интересном пути.

Список использованных источников

1. Адамович, Г. Корень жизни / Г. В. Адамович // Последние новости (Париж). — 1934. — 21 июня. — С. 2.
2. Варламов, А. Пришвин / А. Н. Варламов. — [2-е изд.]. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 546 с.
3. К-г, Н. Корень жизни / [Н. Н. Кнорринг] // Последние новости (Париж). — 1934. — 10 мая. — С. 3.
4. Лидин, В. Г. Люди и встречи / В. Г. Лидин. — Москва : Совет. писатель, 1957. — 158 с.
5. Пришвин, М. М. Дневники. Кн. 6 : 1928–1929 / М. М. Пришвин ; подгот. текста Л. А. Рязановой. — Москва : Русская книга, 2004. — 544 с.
6. Пришвин, М. М. Дневники. Кн. 7 : 1930–1931 / М. М. Пришвин ; подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной. — Санкт-Петербург : Росток, 2006. — 704 с.
7. Пришвин, М. Михаил Пришвин рапортует XVII съезду / М. Пришвин : публикация Е. Гибет // Вопр. лит. — 1977. — № 8. — С. 308.
8. Пришвин, М. М. Мы с тобой : Дневник любви / М. М. Пришвин, В. Д. Пришвина. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 254 с.

Материал поступил в редакцию 12.02.2026.

Сведения об авторе: Кондратенко Алексей Иванович, заведующий методическим отделом Орловского Дома литераторов, доктор филологических наук (Орёл).

Контактные данные: e-mail: istorik57@yandex.ru.